

И. А. АРШАВСКИЙ
ЗАБВЕНИЕ — ТЯЖКИЙ ГРЕХ
Из воспоминаний об Алексее Алексеевиче Ухтомском

В 1926 г. мне, студенту 5-го курса медицинского факультета Северо-Кавказского университета, выпала честь выступить с докладом на II Всесоюзном съезде физиологов в Ленинграде. К этому времени я уже больше двух лет проработал на кафедре физиологии под руководством Николая Аполлинарьевича Рожанского.

Я и другие молодые ученые, приехавшие из многих « провинций », поистине « пылали » желанием увидеть прежде всего Ивана Петровича Павлова. Иван Петрович в работе съезда участия не принимал, и чтобы посмотреть на него, мы приехали в Институт экспериментальной медицины, где в знаменитой павловской башне находился его кабинет. Последний ранее использовался в качестве камеры для изучения условных рефлексов у собак, а посему в дверях сохранилась дырочка диаметром в трехкопеечную монету. Она и позволяла нам увидеть « живого Ивана Петровича », сидевшего у стола и читавшего книгу. Возвращаясь в Ростов, я и несколько других молодых участников съезда оказались в одном плацкартном вагоне с учеником Павлова — Иваном Сергеевичем Циговичем. На его вопрос, — видели ли мы Ивана Петровича, — все сидевшие рядом ответили: « Через щелочку ». Последовала фраза: « Как важно в жизни людей великих видеть только через щелочку ». Глубокий смысл этих слов каждый из нас, по-видимому, понял лишь много позднее.

Конечно, на съезде мы впервые увидели и таких знаменитых физиологов, как Л. А. Орбели, И. С. Беритов, В. В. Савич, Ю. В. Фольборг, Е. С. Лондон, К. Функ, только что приехавшая в Советский Союз Л. С. Штерн и др. Однако, по-видимому, не только я, но и многие другие оказались под необыкновенно сильным впечатлением от облика Алексея Алексеевича Ухтомского, одновременно необычного и притягательного. В сапогах, кожаном картузе, пиджаке русского купеческого покроя, под которым виднелась домотканая рубашка, подвязанная веревочкой, со стройной, невзирающей на мощь и грузность, фигурой, легкой и спортивной походкой, Алексей Алексеевич (в дальнейшем — А. А.) произвел впечатление истинно русского богатыря. Вместе с тем склоненная вниз голова, лицо и совершенно необыкновенные глаза создавали, скорее, образ мудреца — Сократа или ветхозаветного пророка, и если уж богатыря, — то богатыря духа.

И совсем другое сохранилось в памяти. В один из дней съезда, в перерыве между заседаниями я увидел встретившихся в коридоре А. А. и Л. С. Штерн. Лина Соломоновна, как всегда изысканно одетая, стоя перед А. А., кокетливо перебирала бусы и разговаривала с ним о чем-то по-французски. Я был потрясен внезапным преображением: только что казавшийся мне простолюдином, А. А. вдруг предстал передо мной аристократом в подлинном и высоком смысле этого слова.

Привезенное впечатление от А. А. — апостола по внешнему виду, за которым чувствовался соответствующий ему внутренний духовный облик, — вновь разбудило казавшееся несбыточным желание: попасть на кафедру физиологии ЛГУ. При этом наряду с прежними, чисто научными, мотивами мною двигал очень сильный интерес к личности самого Алексея Алексеевича. Получив диплом об окончании медицинского факультета СКГУ, я принял твердое решение отправиться « в центр ». Попасть сразу в Ленинград было нереально, так как там исключалась возможность найти приют. Зато в Москве жила сестра моей супруги Э. И. Старосельской. Николай Аполлинарьевич Рожанский резко сопротивлялся моему отъезду. Я с тяжелым чувством грусти и крайней неуверенности в будущем покидал кафедру. Позднее, уже имея возможность сравнить, я понял, что кафедра, возглавлявшаяся Н. А. Рожанским, была едва ли не лучшей в стране школой по подготовке физиологов-экспериментаторов. В последующем добрые и даже сердечные отношения с Николаем Аполлинарьевичем сохранились.

Тайная надежда, что с переездом в Москву появится возможность перебраться в Ленинград, оправдалась совершенно неожиданно для меня. В Москве я вначале попал в лабораторию физиологии труда, которую возглавляли профессоры Ю. П. Фролов и В. В. Ефимов. В конце 1926 или в самом начале 1927 г. Л. С. Штерн, встретив меня на заседании Московского физиологического общества, предложила мне аспирантуру. Через год, для завершения аспирантуры, по инициативе Ивана Петровича Разенкова я был переведен в руководимую им лабораторию в Институте им. К. А. Тимирязева. Осенью 1929 г. после окончания аспирантуры Иван Петрович предложил мне группу и ставку старшего научного сотрудника. Но в это же самое время впервые в АН СССР был объявлен набор в « повышенную аспирантуру » (соответствующую нынешней докторантуре). В числе 6—7 рекомендованных физиологов оказался и я. Все мы направлялись к И. П. Павлову и Л. А. Орбели. По приезде в Ленинград, после сдачи экзаменов, я выразил твердое желание проходить аспирантуру у А. А. Ухтомского. Это оказалось очень сложным, так как А. А. в то время не был еще даже членом-корреспондентом. Однако хлопоты завершились успехом. Мечта сбылась.

Позднее мне неоднократно приходилось слышать от А. А. следующие слова: « Была бы мечта, а человек — сильное существо, способное воплотить ее в реальность ». Я никогда не считал себя сколько-нибудь сильным человеком. Однако впоследствии, занимаясь возрастной физиологией животных и человека, убедился в том, что мечта и цель — могущественные неэнтропийные факторы. Для тех, кто сильно желает, нет ничего невозможного.

Поступившие в повышенную аспирантуру (я был, кажется, единственным беспартийным из 15—16 принятых по биологическим специальностям) должны были иметь « общественную нагрузку ». Иван Георгиевич

Бусыгин, ведавший набором молодых кадров в Академию наук, знал, что, проходя аспирантуру у И. П. Разенкова, я по выходным дням читал в рабочих аудиториях антирелигиозные лекции биологического содержания с демонстрацией разнообразных физиологических опытов. На одной из таких лекций присутствовал Борис Михайлович Завадовский, занимавшийся тогда в Москве организацией атеистической деятельности молодых ученых. Лекция ему, видимо, понравилась, так как вскоре он предложил мне написать брошюру на тему «Есть ли душа в теле животных и человека?» Сейчас мне очень стыдно вспоминать об этой брошюре, главным образом, из-за ее заглавия. В самой брошюре речь, естественно, шла о вторичности идеального или духовного и о том, что душа как специальная субстанция не существует независимо от мозговых структур. Иван Георгиевич предложил мне возглавить биологические разделы атеистической пропаганды.

Об этой моей деятельности, по непонятным мне мотивам, было доложено А. А. — видимо, в надежде, что он, как человек религиозный, определит ко мне сдержанное или даже отрицательное отношение. Уже при первых встречах с А. А. я понял, что ему известно содержание моей общественной работы. Однако никаких вопросов, кроме связанных с предложенной мне темой, мы не обсуждали. (Хотя, конечно, я должен был рассказать о себе — откуда я родом, кто мои родители, где я работал по физиологии до приезда в Ленинград и т. д.) На протяжении всего времени нашего близкого знакомства (с осени 1929 г. до весны 1941, когда состоялась наша последняя длительная встреча) А. А. не вспоминал о моей общественной нагрузке. Вместе с тем, хотя и нечасто, но неоднократно, мы обсуждали различные религиозные темы.

Все излагаемое ниже опирается на мои записи и сохранившиеся в памяти впечатления от непосредственных встреч, на копии некоторых неопубликованных материалов, переданных мне самим А. А., а также на некоторые архивные документы. К несчастью, имеются достаточные основания полагать, что не все, оставленное А. А., попало в Архив АН СССР (ныне — Архив РАН). Быть может, наиболее интересные по содержанию мысли, касающиеся анализа общечеловеческих проблем, нашли отражение в письмах, адресованных А. А. не столько ученикам (в них, как правило, обсуждались лишь научные проблемы), сколько ученицам. Наиболее значимы письма к Фане Григорьевне Гинзбург и Елене Исааковне Бронштейн-Шур. Часть этих писем опубликована [1]. По-видимому, А. А. считал, что духовный мир женщин богаче, нежели у мужчин. Как-то в начале 1940 г., обсуждая с А. А. проблемы возрастной физиологии, я обратил его внимание на то, что духовный мир женщин и вся их внутренняя культура — глубже, тоньше и деликатнее, чем у мужчин, хотя они могут быть и менее образованны. И это естественно вытекает из их биологического предназначения — быть матерью и воспитывать детей. Хорошо помню фразу А. А.: «Истинная духовная культура человека не определяется образованностью или только ею». Во время одной из бесед я сказал А. А., что моя супруга активно не любит Л. Н. Толстого за его недоброе и несправедливое отношение к Софье Андреевне. Рассмеявшись, он сказал: «Передайте, пожалуйста, Эсфирь Исааковне, что эта бедная, умная и простая женщина участвовала в образовании того, кого мы ценим под именем Л. Толстого, гораздо более, чем казалось самому Льву Николаевичу в его последние годы, и тем более, чем представляют себе близорукие идолопоклонники Толстого, готовые осуждать и бросать камнями „за мещанство» в эту хорошую женскую душу».

Я не хочу сбиться на биографический очерк. Он дан В. Л. Меркуловым [2], хотя и далеко не полно, — по-видимому, по причинам, от него не зависевшим. Автор книги об Алексее Алексеевиче, опубликованной в 1960 г., не мог показать настоящего Ухтомского — его подлинную генеалогию, его истинную мировоззренческую позицию, его взгляды на религию, его отношения с Богом, его точку зрения на общечеловеческие проблемы. Писали и печатали то, что «полагается». Немного о том, как возникли настоящие воспоминания. В 1984 г. планировалось издание книги, посвященной А. А. Ухтомскому. Кроме специальных статей учеников и последователей А. А., редакторы намеревались включить в нее и воспоминания о нем — результатом же стал выход двух книг [3, 4]. Работая над воспоминаниями, я, конечно, предполагал, что редакторы будут настаивать на определенных сокращениях. Так и случилось. Речь шла о религиозности А. А. Один из ответственных редакторов сказал мне (дословно): «Я прочитал все пять томов „Собрания сочинений» А. А. Ухтомского и не увидел в них ничего, что могло бы говорить о его религиозности». Я не согласился на купюры, отказался от публикации воспоминаний и, оказавшись свободным от ограничений цензуры, начал их пополнять. (Правда, частично они все-таки увидели свет: книга была издана с опозданием, только в 1992 г., когда времена уже изменились, и цензура была снята.)

Во всех без исключения биографиях А. А. приводятся сведения о том, что он князь, Рюрикович, потомок суздальского князя Всеволода Большое Гнездо. До 1917 г. А. А. подписывал публикуемые им работы по физиологии — «князь А. А. Ухтомский». Но почти нигде не упоминается о том, что мать А. А., урожденная Черношвитова, была еврейкой. Унаследовавший по материнской линии еврейскую кровь, А. А., по воспоминаниям А. А. Золотарева, его близкого друга с детства, впоследствии с особой любовью относился к многочисленным своим ученикам-евреям.

Указания А. А. Золотарева на особую приверженность А. А. к ученикам-евреям соответствуют действительности, но он не совсем правильно ее объясняет. Дело не в том, что в жилах А. А. текла часть еврейской крови. Евреи для него были создателями великой книги человечества — Библии. Ее он штудировал на древнееврейском, который хорошо знал. Когда А. А. положительно отзывался о человеке, он говорил: «Да ведь это настоящий Израиль» — независимо от национальности того, к кому это относилось. А если его

внимание обращали на евреев дурного поведения и образа жизни, он отвечал: «Это не еврей, а несчастный человек, каких немало среди людей любой нации». Сам А. А. считал себя глубоко русским человеком и гордился своей принадлежностью к русской нации, внесшей столь богатый вклад в мировую культуру. В анкетах в графе, относящейся к национальности, А. А. с гордостью писал: «великорусской». Вместе с тем за всю свою вот уже немалую жизнь я не встречал никого другого, кто бы относился к любому человеку, независимо от его национальности, с такой искренней и душевной любовью, как А. А. Он был истинным христианином, интернационалистом в самом высоком смысле этого слова. Он не был ни славянофилом, ни западником. В нем было как бы две души, сплавленных в одно совершенно оригинальное, неповторимое духовное целое.

И дед, и отец А. А. делали карьеру на военном поприще. Отец, Алексей Николаевич, морской офицер — участник обороны Севастополя, оставил после себя записки, относящиеся к этим событиям. В 1862—64 гг. Алексей Николаевич командовал первым русским паровым крейсером. Рассказывая о записках отца, А. А. вспоминал, что они не были напечатаны, так как не имели художественных достоинств «Севастопольских рассказов» Л. Толстого. А. А. говорил, что, выйдя в отставку, отец заинтересовался методами народной медицины, используя их для лечения крестьян, живших в поместьях князей Ухтомских.

Обстоятельства в семье отца сложились так, что А. А. в возрасте 1 года и 3 месяцев был передан на воспитание тете, сестре отца Анне Николаевне, жившей в Рыбинске. Анна Николаевна была образованной и при этом простой и отзывчивой женщиной. В семье отца господствовали сословные предрассудки и семейные традиции. Тетя же, по рассказам А. А., была «смирной старушкой» с самоотверженно любящей душой, к которой даже малознакомые люди обращались за помощью и советом, и она никому не отказывала. Так, по воспоминаниям А. А., она брала к себе на воспитание осиротевших детей. Анна Николаевна предоставила маленькому Алеше полную свободу в общении со сверстниками — детьми крестьян и горожан. Позднее в одном из писем к Е. И. Бронштейн-Шур А. А. писал: «Ничто другое, как исключительная и, можно сказать, исчерпывающая любовь моя к тете Анне, воспитала во мне эту тягу к человеческому лицу («доминанту на лицо»), о которой я говорю потому, что она во мне брезжит, как утренняя заря какого-то очень хорошего и очень горячего и светлого дня, который я издали так приветствую, хоть и не дождусь его» [1, с. 394]. До того как 13-летний Алеша был направлен в Нижний Новгород для продолжения обучения в Кадетском корпусе, он много времени проводил на берегах Волги, наблюдая не только тяжкий труд грузчиков и бурлаков, но и, в особенности, их отношения между собой, привлекавшие неразгаданным своеобразием психологического мира.

В 1985 г. я был в Рыбинске в связи со скромно отмечавшимся 110-летием со дня рождения А. А. Я увидел простой деревянный, правда большой, дом, где жила Анна Николаевна со своим племянником. Еще недавно там был склад, а сейчас — дом-музей А. А. Ухтомского. На доме мемориальная табличка. В Рыбинске я еще раз убедился, в какой мере проведенное здесь детство сказалось на будущем князя А. А. Ухтомского.

В Нижнем Новгороде А. А. продолжил наблюдения за психологией «простого рабочего люда». Поступив в Кадетский корпус, он почувствовал резкий контраст между представителями привилегированных сословий и простыми людьми. По словам А. А., в последних ему было особенно дорого обаяние простоты, какого-то особого духовного целомудрия, непритязательности и внутреннего достоинства. В Кадетском же корпусе он постоянно сталкивался с господством кастовых интересов, хвастовством, мнимым мужеством, чванством и духовным убожеством.

В Кадетский корпус А. А., как и его старший брат, были отданы в надежде на продолжение военных традиций семьи. Как же случилось, что оба они сменили военную карьеру на духовную? Трудно судить об их мотивах. Знаю только, что в детстве А. А. воспитывался в духе официального православия с соблюдением соответствующих ритуалов. Можно лишь предполагать, что поступление его в 1894 г. в Духовную академию вопреки воле родителей было, очевидно, связано с влиянием Анны Николаевны, внушившей племяннику отвращение к военной карьере, связанной с насилием и человекоубийством. По окончании Духовной академии А. А. ждала карьера епископа с панатией на груди (этот путь избрал для себя его брат — епископ Андрей). Возможность осуществления этих планов была тем более реальной, что один из ближайших родственников А. А., Э. Э. Ухтомский, был близок к царскому двору. Продолжает оставаться загадочным, почему А. А. после окончания Духовной академии решительно порывает с официальным церковным православием и обращается к старообрядческой вере раскольников. Как это случилось?

Из бесед я мог узнать, что интерес к человеку и мотивам, определяющим его поведение, возник у А. А. еще в Кадетском корпусе и, в особенности, проявился в Духовной академии. Кто и что есть человек? Каково его предназначение на Земле? Вопросы эти волновали Алексея Алексеевича до конца дней его. Он рассказывал мне, как, будучи студентом Духовной академии, он усаживался на стене Новодевичьего монастыря и наблюдал лица прихожан, шедших в церковь монастыря на богослужение. Его поражало разнообразие тех мимических изменений, которые возникали в связи с предстоящими молитвами и обращением к Богу. У одних (чаще чиновников) на лицах читалось безразличие или обычная деловая озабоченность. У других — в основном, простых людей и, в особенности, женщин — лица просветлялись особым духовным сиянием. Именно в Духовной академии у А. А. впервые возникла идея доминанты — важнейшего принципа регуляции поведения. Позднее А. А. писал: «Человек видит реальность такую, каковы его доминанты, т. е. главенствующие направления его деятельности» [1, с. 383]. Из огромнейшего разнообразия той информации, которой насыщена среда, организм активно отбирает лишь ту, которая может «нанизаться» на текущую доминанту. Так интерес к

духовному миру простых людей и жажда поближе узнать их привели А. А. к созданию основ теории поведения.

Из некоторых документов, обнаруженных в Рыбинском областном архиве, следует, что по окончании Духовной академии неожиданно для многих А. А. уехал работать учителем в одну из сельских школ Волоколамского уезда Московской губернии. В архиве А. А. я обнаружил некоторые материалы, свидетельствующие о том, что после Духовной академии какое-то время он жил в Оптиной пустыни. Можно думать, что тяга к Оптиной пустыни — этому старческому скиту, основанному на Калужской земле еще в XIV в., — была инспирирована Л. Н. Толстым. Сам Лев Николаевич приезжал в Оптину пустынь шесть раз. Его последний приезд был связан с уходом из Ясной Поляны в 1910 г. Что-то таинственное и притягательное было в этом месте, если сюда приезжали такие люди, как В. А. Жуковский, А. К. Толстой, Н. В. Гоголь.

В Оптиной пустыни А. А. знакомится с монастырским укладом жизни. Как долго он здесь находился и сочел ли пребывание в монастыре с наездами в качестве учителя в сельскую школу? Достоверно это неизвестно. Зато известно, что в этот год А. А. часто посещал не только Опгинский, но и Волоколамский монастырь.

Выбор пути — духовная карьера или наука — был нелегким, особенно если учесть то давление, которое оказывал на А. А. его старший брат.

Монастырские впечатления А. А. были невеселыми. Дух веками создававшегося монастырского безделья подавлял его. Он чувствовал себя вышибленным из научной колеи. Затхлая, пропитанная вековой пылью, идущая вот уже который век из кельи в келью атмосфера прозябания, растительной жизни на лоне серой русской природы и серого русского армяка, атмосфера, которой дышали поколения за поколениями, одурманивала, оглушляла, душила — трудно становилось слово сказать. В монастыре, в полной безудержности артельной жизни, особенно чувствовались, по словам А. А., «нужда и ценность дисциплины рационального устройства общества». Здесь, по его мнению, при исторически установившихся условиях, возможны лишь анархия или деспотизм, как, впрочем, и всюду в обществе с древнерусским духом. Упорное отвержение религиозных обществ к рациональному устройству жизни казалось А. А. следствием их происхождения. Наш монастырский уклад, полагал он, создан широким русским размахом, не знающим времени, не имеющим границ ни для сна, ни для лени. И в основе всего этого лежит глубокое, непоколебимое мнение, самая твердая и безнадежная уверенность в исключительной правильности своего «времяпровождения». Обстановка монастырской жизни отталкивала его. Обстановка эта, говорил он, делает убеждения неактивными, и они, не будучи осуществленными, атрофируются. Монастырь «изглаживает» наши убеждения, лишает их энергии, из него надо бежать.

А. А. часто повторял известное изречение: «Человек есть мера всех вещей, а его мера в его правде». Для А. А. жить по правде было едва ли не основным девизом в жизни. Правды этой он не видел у большинства представителей официального духовенства, воплощавших в своем лице «двойников». Проповедовали одно, а мыслили и жили по-другому. Познакомившись со старообрядцами, А. А. почувствовал в них некую душевную цельность. По-видимому, этим можно объяснить, почему он, не желая рвать с религией, обратился к старообрядческой вере. Сам А. А., как я думаю, ни с кем из учеников причины, склонившие его к коренному перелому своей жизни, не обсуждал.

Еще в Духовной академии, в особенности в связи с подготовкой диссертации, посвященной философским проблемам, у А. А. возник интерес к естествознанию, и преимущественно к проблемам психологии и физиологии поведения человека. Не принятый сразу на физико-математический факультет Петербургского университета — туда не зачисляли лиц, окончивших духовные учебные заведения, — А. А. в 1899 г. поступил на еврейско-арабское отделение восточного факультета. И только в 1900 г. его приняли на естественное отделение физико-математического факультета. Во время обучения в университете интерес А. А. к старообрядчеству не угасал. В летние каникулы 1903—1905 гг. и позднее он предпринимал пешеходные путешествия по Центральной России, Уралу, Западной Сибири. В этих путешествиях он посещал скиты старообрядцев, скрывавшиеся в глухих лесах.

Едва ли А. А. могла привлекать обрядовая сторона в церковной организации староверов, хотя близкие к нему люди не исключают, что, молясь перед иконой, им самим писанной, он использовал двуперстие. Беседуя с очень немногими из учеников о людях раскола, А. А. едва ли не с восхищением говорил об их аскетическом и нравственно здоровом образе жизни, об их способности умереть за правду, как они ее понимали, о готовности идти на самопожертвование: лучше умереть голодной смертью, но не подчиниться антихристовой, несправедливой воле; лучше быть самосожженным, но не покориться неправде и чистыми явиться на Страшный суд. Отсюда то исключительно глубокое уважение, с которым он говорил о таких людях, как Аввакум, боярыня Морозова и даже Степан Разин, Пугачев и им подобные. А. А. осенял себя двуперстным крестом, используя его скорее как символ — сопротивления злу, несправедливости, неправде, подобно тому как делали это, по-видимому, Аввакум или боярыня Морозова.

В общении со старообрядцами А. А. почувствовал ту доминантную установку «на лицо другого», которая определила в их среде дух товарищества — черту, выделявшуюся им в качестве типичной для истинно русского человека, благодаря которой, в частности, он прославил себя в ратных подвигах.

Старший брат А. А., Александр, был принят в Кадетский корпус за год до него. Уже в Нижнем Новгороде Александр неодобрительно относился к увлечению А. А. естественными науками и философией, к подозрительным, с его точки зрения, знакомствам вне корпуса. Мотивы поступления братьев Ухтомских в

Духовную академию различны. Если старшим двигало стремление сделать на этом поприще карьеру, то А. А. привлекала возможность глубокого изучения теории познания, психологии, истории, языков. Немаловажным обстоятельством было то, что в те годы в академии преподавали В. О. Ключевский и другие видные профессора Московского университета. В стремлении поступить в академию А. А. поддерживал преподаватель математики в Кадетском корпусе Иван Петрович Долбня (впоследствии профессор Горного института и Курсов Лесгафта в Петербурге). А. А. вспоминал о нем как о наиболее важном воспитателе в научном и общефилософском смысле и вообще о самом влиятельном своем воспитателе после покойной тети.

Работая в академии над диссертацией, которая должна была показать, что научные концепции происхождения Вселенной не противоречат догматам богословия, А. А. в одной из записных книжек пишет: « Автономия науки — вот принцип, которым я должен освободиться от нападений богословия» [5]. Взгляды А. А. и, в особенности, его решение поступить в Петербургский университет обострили расхождения между братьями. В. Л. Меркулов, опираясь на материалы записных книжек А. А., по этому поводу приводит следующие его слова: « Помню, на мое замечание, что после академии я хочу поступить в университет, отец Андрей (брат Александр. — *И. А.*) (летом 1897 г.) проповедовал, что тут уже нужно лучше уезжать из России (разумеется, в качестве ненужного, даже вредного элемента). Нет, простите, отец Андрей, Россия столько же и моя, сколько и ваша, и предоставит мне и всякому внести свою лепту на ее преуспеяние, как всякий из нас ее понимает» [2, с. 25—26]. Вообще же все было еще сложнее. Приведу лишь одну из записей, сделанных А. А. во время учебы в Духовной академии (15.09.1897): « Мне предстоит подвергнуть научной критике область религиозных идей. Эта критика уяснит, что последним опытным фактором здесь явится религиозное чувство — неоспоримый предмет психологии. Как одно из интереснейших отношений старой науки к этому факту — является „доказательство бытия Божия«, в этом отношении интересно уяснить импульсы и тенденцию этих доказательств — в связи с историей свободной мысли вообще» [6].

Далее в этой же книжке: « Таким образом становится очевидной необходимость единогласия между религией и теоретическим познанием. Является требованием, чтобы религиозные постулаты и теоретическое познание не противоречили друг другу». Далее, там же: « Боязнь ожесточиться, стать равнодушным. Люди без зазрения совести убивают животных для биологических исследований». Последняя запись весьма примечательна. Ведь вскоре на кафедре физиологии Петербургского университета А. А. займется вивисекцией животных, руководствуясь уже глубоким убеждением, что это необходимо для раскрытия механизмов физиологических отправления и у человека, на котором ставить опыты, естественно, невозможно. Я отвлекся, чтобы обратить внимание на то, что выбор жизненного пути происходил совсем не просто и не однозначно. Ему предшествовала долгая и мучительная внутренняя борьба.

Список литературы

1. Академик А. А. Ухтомский. Письма // Пути в неизвестное. Сб. Х. М., 1973. С. 371—435.
2. Меркулов В. Л. Алексей Алексеевич Ухтомский. Очерк жизни и научной деятельности. 1875—1942. М.-Л., 1960.
3. Учение А. А. Ухтомского о доминанте и современная нейрофизиология: Сб. научн. трудов. Л., 1990.
4. А. А. Ухтомский в воспоминаниях и письмах. СПб., 1992.
5. С.-Петербургское отделение Архива РАН. Ф. 749. Оп. 1. Д. 147/5.
6. С.-Петербургское отделение Архива РАН. Ф. 749. Оп. 1. Д. 92/3.